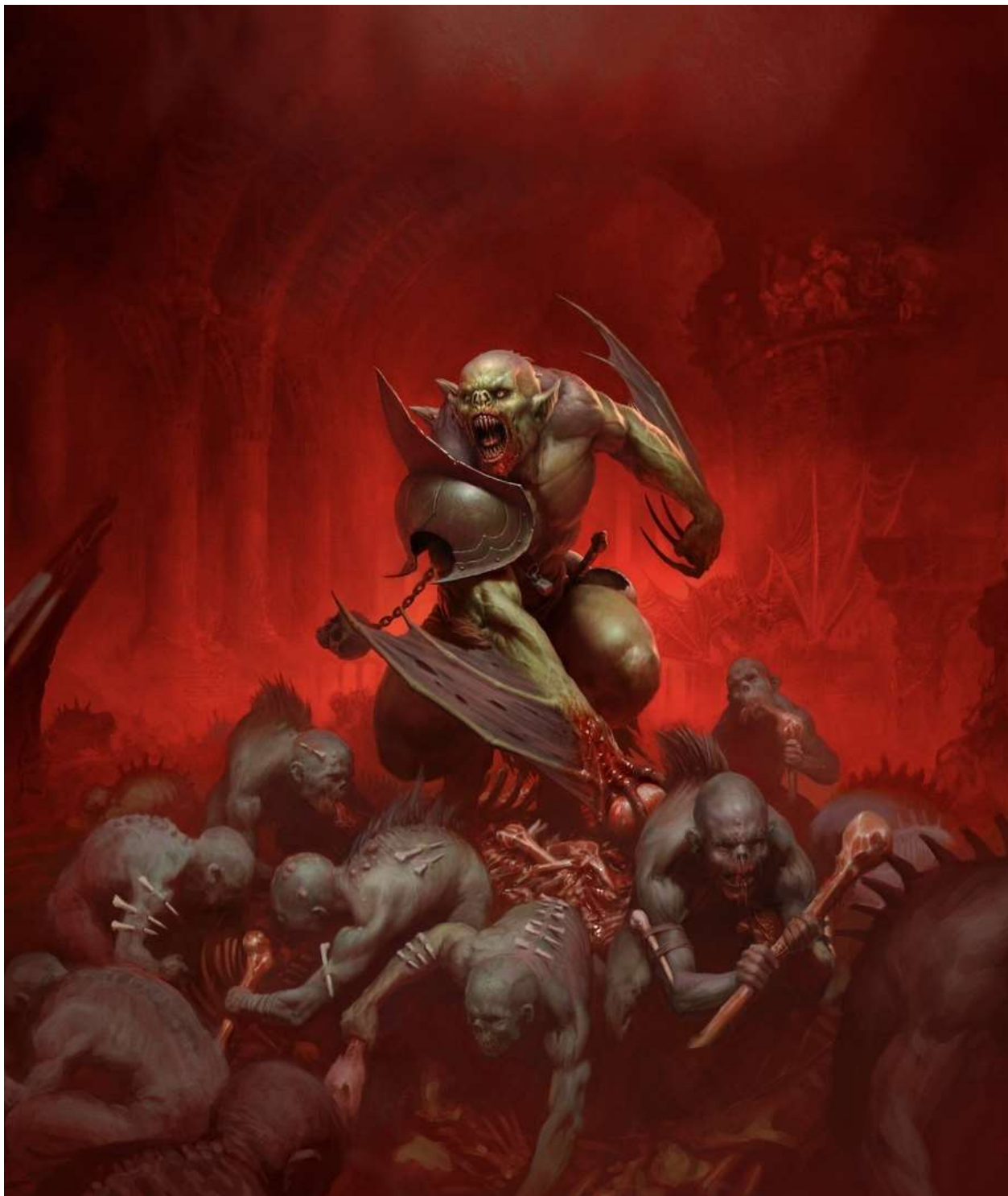

АЛЧНОСТЬ НАГАША

Когда Костекройщик проследовал внутрь пещеры, кровь заплескалась вокруг его ног. Обоняние было одной из тех вещей, которые полностью отделили от его формы, и за это он был благодарен. Стены тоже заливала кровь. Смрад был столь силен, что его наверняка можно было учуять даже в треклятом Азире. Тела мертвых вурдалаков устилали все вокруг, их кости подлежали сбору. Гулкие шаги Сборщиков раздавались прямо за маршем наступающих Преторианцев, перемежаясь с шипением

черно-зеленых огненных шаров, которые те изрыгали в тесные ряды вкусивших.

– Ксарамос!

Рев эхом прокатился среди пещер, остановив наступление Костекройщика. Он уже знал, кто изрек его. Варшорн ожидал на вершине состарившегося каменного помоста. Из открытых расщелин в потолке пещеры сочился свет. Лучи преломлялись через окровавленные кристаллы в стенах и обретали багровое сияние. И прямо посреди этого ослепительного блеска сидел Варшорн. Он ждал и, казалось, даже проявлял терпение, сдерживая свою ярость, желая сохранить ее для одного врага. Это было чуть ли не достойно восхищения.

Нет. Какая глупость. Он был безрассуден, и за это получит сполна.

– Ты трус, Ксарамос, – проговорил омерзительный. – Ты тот, кого я звал другом, тот, кого я полагал величайшим из своего рода. А теперь посмотри на себя, явился исполнить волю тирана из далеких владений ценою собственной чести.

– Честь несущественна, – ответил Ксарамос, будучи не в состоянии скрыть свое раздражение от последней заминки. Когти Костекройщика дернулись; Готиззарский Сборщик, замерший неподалеку, неожиданно вздрогнул, когда кость его грудной клетки стала будто еще тяжелее. – Верховный Повелитель Мертвых должен получить свою десятину.

– Ни один бог не стоит этого! – вскричал Король-Вурдалак. Последние выжившие из его выводка собрались вокруг него. – Ты сражаешься ни за что, кроме тщеславия Нагаша.

– Я сражаюсь за видение Нагаша. А не за гору, обляпанную кровью.

– Так быть не должно, – произнес Варшорн. В его голосе прозвучали отзвуки тихой скорби. Что-то вспыхнуло на задворках разума Ксарамоса, что-то болезненное – эмоция, которую вызывали в памяти смешанные внутри него души.

Простое недовольство, сказал он себе. Не более.

Костекройщик собирался ответить, когда хрип сотряс воздух вокруг них. Из расщелин пещеры хлынули крылатые вкусившие. Даже Ксарамос опешил перед их воплями. Воины Мортек отреагировали быстрее, они тут же образовали плотную стену щитов. Кавалерия оссиархов ринулась прямо на вурдалаков. И тогда решимость окончательно утвердилась внутри Ксарамоса. Пути назад уже не было.

– *Только так быть и должно. Всегда.*